

Еще накануне собора, летом 1503 года, Иван III принял Иосифа Санина и обещал ему начать широкое преследование ереси.¹ Ведь еще в 1502 году великий князь наложил опалу на своего внука-наследника Дмитрия, руководителей придворного еретического кружка, а несколько ранее на их боярских советников. В этом же году брат Иосифа Санина, Вассиан, был назначен архимандритом московского Симонова монастыря. Таким образом намечалось сближение великого князя и волоцкого игумена. Поэтому в сочинениях Иосифа Санина 1503—1504 годов, всецело разделявшего идеологию воинствующих церковников, можно заметить попытки заручиться поддержкой московского государя для борьбы с реформационным движением (еретиками). Например, он советовал Митрофану, великокняжескому духовнику, оказать воздействие на Ивана III, чтоб последний предпринял планомерное преследование еретиков: „И ты, господине, потщися вседушно государю подокучити, оставив все дела: занеже божие дело всех нужнее“.² Мало того, Иосиф Санин сам обращается с рядом посланий к Ивану III, а после его смерти к Василию III (ок. 1504—1505 годов), в которых развивает мысль о непримиримой борьбе с ересью (послания на еретика Кленова, на архимандрита Кассиана и т. д.). Но появление надежд на великокняжескую поддержку в борьбе с ересью не означало окончательного, полного отказа Иосифа Санина от своей старой оценки назначения царской власти и священства, исходившей из реакционной идеологии воинствующих церковников. Еще Иван III медлил начать преследование еретиков, еще слишком близки к нему были некоторые из противников иосифлян.

В этих условиях попрежнему Иосиф Санин в своих творениях ставит власть святителя выше власти царя: „Занеже божие дело всех нужнее“. Так, в послании инокам по поводу повиновения соборному определению со ссылкой на 20-е слово „Пандект“ Никона Черногорца (ок. 1504—1505 года) он писал: „Ко царю же и ко архиерею убо повиновение телесное и урок дани и прочая подобающая, душевное же ни, архиерею же и душевное, купно и телесное, яко приемником апостольским сущим“.³ Власть иерея, таким образом, Иосиф ставил выше власти царя. В то же время в послании к духовнику великого князя Митрофану Иосиф развивал мысль, что „дело божие“ (иными словами, преследование еретиков) должно быть главной задачей царя, грозя в противном случае ему небесными карами. „Государя побереги, — писал Иосиф Митрофану, — чтобы на него божий гнев не пришел за то да и на всю нашу землю. Занеже, господине, за царское согрешение бог всю землю казнит“.⁴ Да и в своих посланиях к московским государям Иосиф пытается занять позиции наставника, направляющего их деятельность в интересах „дела божия“.⁵

¹ См. об этом в нашей статье „Княжеские духовные грамоты XVI в.“ (Исторические записки, кн. 27, стр. 270).

² Чтения, кн. I, 1847, Послание к Митрофану, стр. 1—2.

³ ГПБ, Ф, № 229, л. 344 об.—Послание написано от имени митрополита Симона, но авторство Иосифа Санина более чем вероятно; это произведение не только вошло в XV и XVI слова „Просветителя“, но и текстуально близко к посланию волоцкого игумена Митрофану (лето 1504 года).

⁴ Чтения, кн. I, 1847, стр. 1—2.

⁵ См. неизвестный ранее исследователям отрывок из послания Василию III (ГИМ, Синод. № 791, лл. 19 об.—22; ГПБ, Q. XVII, № 50, лл. 21 об.—23). Этот отрывок позднее был использован при составлении XVI слова „Просветителя“, а также архиепископом Феодосием в послании 1547—1551 годов о корчмах (ДАИ, т. I, № 41).